

ГЛАВА I

ДОЧЕРИ МЕЛИРЫ

*Как сладок сна конец, и новое начало
Уже зовёт меня на бой с самой судьбой.
Пусть замыслу богов я снова проиграла,
Но всё ещё дышу под Красною Луной.*

Песня Сирены отзвучала и растворилась в косых солнечных лучах, что пробивались сквозь прозрачный полог.

Ажурные кованые столбики кровати поднимались к самому потолку. Они удерживали невесомый балдахин нежно-голубого цвета. Я лежала в ворохе шёлка, лент и кружев, как новая игрушка в подарочной коробке, поджав колени к груди, и лениво наблюдала, как по прозрачной ткани ползёт красная букашка.

Роскошная постель представлялась мне смертным одром, гробницей погибшей Юны Горст, для которой больше не было ни времени, ни пространства, ни настоящего, ни будущего. Только драгоценное прошлое. Вся жизнь, с которой я рассталась, походила на яркого жучка: вот мелькнули алые с пятнышками крылья, и крохотные лапки оторвались от шаткой опоры, взмыли в воздух и вместе с хозяином вылетели в окно, чтобы никогда больше не вернуться.

Я тяжело вздохнула и перевернулась на спину. Кажется, вчера я рухнула на постель прямо в одежде и проспала не меньше суток, будто сон был не естественным, а снова, как и недавно, наведённым. Кто-то заботливо раздел меня и похитил всю одежду, оставив от прежних времён только часы

и браслет, скрывающий чёрные вены. После беглого осмотра обнаружился ещё и заполненный песком тиааль. Он сиротливо лежал на прикроватной тумбочке рядом с колокольчиком и графином воды.

В открытое окно доносились далёкие отзвуки прелестной музыки: таинственный пианист наигрывал бодрую мелодию. Приглушённые девичьи голоса вторили птичьей трели, слабый ветерок трепал балдахин. В тёплых струях, проникающих из сада в комнату, разливался упоительный аромат лаванды, океана и влажной свежевспаханной земли. Южная осень заметно отличалась от северной: даже в утренней прохладе чувствовалось дуновение зноя.

В теле и сознании поселилось равнодушное оцепенение. Подняться с постели не было сил. Я бы так и лежала до самого вечера, но дверь скрипнула, и тело инстинктивно напряглось, ожидая нападения.

— Да тише ты! — раздался раздражённый шёпот. — Разбудишь ещё!

И следом — едва слышное торопливое цоканье когтей по дубовому полу. Я приподнялась на локтях. В комнате мелькали чьи-то силуэты, но рассмотреть точнее из-за полога было сложно.

— Кто здесь? — негромко спросила я, напрягая зрение.

Край балдахина отъехал в сторону, и на меня уставилась пара огромных тёмных глаз под длинными пушистыми бровями на удивительно хорошенькой мордочке рудвика.

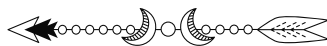
— Проснулась! — пискнуло милое создание и неожиданно ловким прыжком забралось на мою постель.

Я непроизвольно отпрянула и натянула на нос одеяло.

— Стрилли! — гневно крикнули сзади, но тут же злость сменилась звонким девичьим смехом, когда Стрилли, дважды крутанувшись вокруг себя и разметав широкую юбку, устроилась строго напротив моего лица. Влажный нос и короткие завитые усы подрагивали.

— Теперь вы моя хозяйка, лу-ли, — доверительно сообщила рудвик, подперев мордашку мохнатыми кулачками.

Пушистое создание лучилось искренним счастьем. Стрилли оказалась весьма хорошенькой и такой же кукольной, как

и всё вокруг: миниатюрной, со светлой блестящей шерстью и густыми ресницами. Подол лёгкого, в мелкий цветочек платья был прикрыт белоснежным кружевным фартучком, а на голове Стрилли красовалась яркая оранжевая лента.

— Простите Стрилли, она сама непосредственность, — подроспела девушка в белом чепчике и таком же переднике. — Меня зовут Эсли. Эсли Тумп. Я ваша служанка. Я немного разбираюсь в этике, сносно делаю причёски и смешиваю косметические масла. А это Арма, — девушка кивнула на свою спутницу и натянуто улыбнулась.

Арма поклонилась и согнала Стрилли с постели. Затопталась, одёрнула фартук. Она явно чувствовала себя здесь не лучше, чем я. Высокая, крупная, с широкими плечами и ладонями, она не уступала в размерах оружейнику Помпозу Норму. А смуглая кожа и тёмные курчавые волосы выдавали таххарийскую кровь.

— Арма Надме, госпожа, — пробасила служанка, хлопнула носом и поправила оборку белого чепчика, которая без конца падала ей на глаза.

Говорить о своих навыках Арма не стала: потупилась и упёрлась взглядом в мысы обуви.

— Простите за вторжение. — Эсли присела в поклоне. — Мы хотели сделать сюрприз к вашему первому пробуждению в Мелироанской академии. Принесли корзину цветов, которую утром прислала леди Дижуре из своей галереи. Она творит цветочные шедевры! Только взгляните: эта потрясающая композиция из магнолий, розмарина и мелиссы была заказана специально для вас. Букет спешит поведать, что господин помнит о вашей любви к природе и ценит общие воспоминания. А жёлтая резеда подчёркивает огромную ценность его мейлори.

— Кто?.. — прохрипела я. Прочистила горло и повторила: — Кто помнит?

— Куда ставить, Стрилли? — перекричала меня Арма. Она подняла тяжёлую корзину и почти полностью спряталась за пышной зеленью.

— Тащи на шкаф! — махнула лапами рудвик, подпрыгнула, ловко забралась на кресло-качалку, поймала равновесие, как заправский лучник, и сосредоточенно заводила ушами.

— Стрилли увлекается гармонией предметов в пространстве, — пояснила разговорчивая Эсли. — Она считает, что это привлекает благословение Лулука и Лулики, перенаправляет их энергию, чтобы она разливалась по комнате.

— Стрилли знает, как приманить удачу, лу-ли! — раскачивалась на кресле рудвик. — Боги рудвиков помогут Юне Горст освоиться!

Арма пыталась закинуть массивную корзину на огромный шкаф, занимавший почти всю стену. Следует отметить, что и без нового букета комната утопала в цветах: расписные вазы были расставлены повсюду — на комод, на подоконнике под большим круглым окном, на низком плетёном столике и на каминной полке. Голубовато-зелёные рисунки покрывали фарфоровые тарелочки, обвивали светлые рамы картин и даже заполняли одну из стен. Высокий шкаф, неожиданно ставший центром внимания, тоже хранил на своих створках цветочный орнамент, чередующийся с искрящимися зеркалами. Удивительно, но помещение с его изогнутыми колоннами-тумбами, уютными белыми пледами и прикрытым кружевной занавеской камином напомнило мне не кукольный домик, а, скорее, мой собственный дом в Фарелби. Была в этом некая деревенская простота.

— Тяжёлая, зараза, — кряхтела Арма, вытягиваясь во весь свой немаленький рост.

Заполненная преимущественно зеленью корзина то и дело норовила перевесить и свалить девушку навзничь, но Арма не собиралась сдаваться. На помощь пришла Эсли.

Я потёрла глаза, чтобы прогнать утреннюю дремоту и прийти в себя. В это утро мне необходимы были одиночество и покой, а не суетливая возня незнакомых людей. И рудвиков.

— Это учение наших далёких предков, — увлечённо руководила процессом Стрилли. — Нужно искать магию там, где её труднее всего найти. Искусство «Сунь-лу-тут». — Блестящие глазки-вишенки посмотрели на меня с надеждой, но, не встретив понимания, рудвик хлопнула ресницами и махнула лапой: — Людям не дано его постичь.

— Так, — наконец отмерла я. Откинула одеяло, но, вспомнив о наготы, прикрылась. Поднялась вместе с длинным шлей-

фом из атласных простыней, выбралась из своего гнезда и заговорила: — Послушайте, Стрилли, Арма и...

— Эсли, госпожа, — подсказала девушка.

— Да, точно. Мне не нужны служанки, не нужны цветы и вообще чужие люди в моей комнате. Убирайтесь.

Повисло неловкое молчание. Корзина в руках Армы угрожающе зашаталась. Девушки переглянулись. Стрилли насупилась.

— Но... — замылась Эсли. — Госпожа Првленская велела нам подготовить вас к завтраку. Отмыть и одеть. — Она оглянулась в поисках поддержки, но все промолчали, и тогда Эсли заговорила выученным тоном: — Служанки помогают леди с дамским туалетом, причёсывают их и приносят подарки от покровителей. А также исполняют остальные поручения госпожи. Таковы традиции Мелироанской академии благородных дев. Такова наша работа.

— Я не дева. — Я откинула назад растрёпанные волосы и с радостью обнаружила, что миинх тоже остался при мне. — И не леди. Всё, чего я хочу, — остаться одной. Это желание вы способны выполнить?

— Но как же...

— Прочь! — прикрикнула я. — И корзину с собой заберите!

— Но это же подарок от Кирмоса лин де Блайта! — заспорила Эсли.

От звука этого имени я дёрнулась, как от пощёчины. Попятилась, наткнулась на кресло, отчего то сразу же закачалось. На долю секунды сознанием завладело привычное раздражение. Я была готова напасть на незваных служанок, на несчастные растения, вырвать их с корнем и раскидать во все стороны. Среди изумрудной зелени мелькнула золотой коронной карточка. Я отвернулась к зеркалу над камином, чтобы не поддасться соблазну прочесть её. Уставилась на своё помятое, измученное отражение.

Трудное предстоит время. Жизнь в золотой клетке, где меня заперли на неопределённый срок с клеймом мейлори Чёрного Консула. Чужие люди, новые правила и распорядки, против которых мне до безумия хотелось восстать. Но однаж-

ды я уже пыталась установить свои правила. И закончилось это плохо.

Я шлёпнула рукой по пауку и попыталась представить новый облик ментора.

Не вышло. Только новая волна злости обожгла изнутри при взгляде на злосчастную корзину.

Как такое вообще могло прийти ему в голову? Ментор забрал у меня любимое оружие, всю прошлую жизнь, близких друзей и прислал... цветы?! Это походило не на подарок, а на оскорбление.

— Унесите это из моей комнаты, — сказала я вслух и облокотилась на чайный столик. Обречённо опустила голову. — Не хочу её видеть.

— Но эти цветы говорят, что...

— Цветы не умеют говорить! — выкрикнула я.

К счастью, на этот раз служанки послушались и с тихим шуршанием платьев направились к выходу.

— Мы приготовили для вас ванну. — Эсли задержалась в дверях. — Там драгоценные масла и бальзамы для волос. Я хотела сама втереть эликсиры в ваши загрубевшие от тетины пальцы. — Она осеклась, наткнувшись на мой взгляд. — Вы правы, с этим можно подождать. Комната гигиены за той дверью, — служанка кивнула на белое полотно. Конечно же, расписанное яркими бутонами и листьями. — Позвольте нам вернуться и помочь вам с одеждой и причёской?

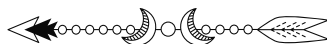
Под простынями я всё ещё была совершенно голой и, стоило признать, грязной.

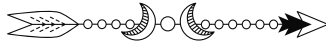
— Ладно, — согласилась я после небольшой паузы, и девушки, не дожидаясь продолжения, прикрыли за собой дверь.

Оставшись в одиночестве, я едва подавила соблазн лечь обратно в постель, завернуться в шёлковый саван и наконец спокойно умереть. Но пышущее жизнелюбие служанок уже подселило в душу предательское любопытство. Если мне предстоит провести здесь какое-то время, нужно научиться выживать и существовать. Собрать себя по частям. Снова.

Начать я решила с водных процедур.

Ванная оказалась удивительной. Каменная чаша-бассейн была выдолблена в полу и окружена гладкими булыжниками.

Я не знала такой породы: светлый камень искрился и поблёскивал в лучах солнца, проникающего сквозь круглое окошко. Водный поток вытекал из стены, поднимая на поверхности бурлящую пену и пар. Вода в чаше была белой, словно туда плеснули молока, и присыпанной лепестками розовых цветов. Вместе с паром в воздух поднимался дурманящий аромат, от которого кружилась голова.

Я скинула на пол простыни и встала на первую каменную ступеньку, пробуя воду. Тёплая. Погружаться плавно не стала — с размаху плюхнулась в ароматную ванну, нырнула и позволила себе на несколько секунд зависнуть в гулком безмолвии. Ласковая вода обняла тело, заполнила уши, и я вдруг поняла, что последний раз вот так погружалась с головой, когда меня топили в Эльце. Что ж, в новой жизни были свои неоспоримые плюсы.

Вынырнув, я откинулась на бортик и расслабилась. Комната гигиены здорово отличалась от спальни: по стенам здесь ползли не нарисованные, а вполне живые цветочные лианы, цеплялись за потолочные балки и свисали яркими гроздьями, образуя полог. От этого буйного цветения, от тумб и колонн, выдолбленных из сверкающего гладкого камня, создавалось ощущение, что я лежу не в комнате, а где-нибудь в саду Девейны, наслаждаясь ароматом и самой жизнью. На кованой полочке вдоль борта стояли разноцветные хрустальные флакончики с маслами и пахучей водой, лежали куски фигурного мыла и холстины из белоснежного льна.

Прежде чем приступить к купанию, я перенюхала содержимое всех пузырьков и бутылочек, пытаюсь на вид и запах определить назначение. Но, во избежание неудач, остановилась на добротном куске лавандового мыла, отлично отмывающего и волосы, и кожу.

В чаше было просторно, уютно и тепло. Заигравшись, я начала плавать от одного борта к другому, поднимая волны и подставляя голову стекающему из стены водопаду. Набирала в рот воды и выплёвывала, целясь в цветочные грозди. На какой-то короткий период я вдруг стала маленькой Юной, резвящейся в кристально-чистом Фарелби в окружении золо-

тистых рыб. И не было ни академий, ни убийств, ни трудного выбора, ни ментора.

Когда мои пальцы — те самые, загрубевшие от тетивы — сморщились до состояния чернослива, я наконец выбралась из купели и завернулась в свежую, хрустящую от чистоты ткань. Глотнула из запотевшего стакана лимонной воды и окончательно признала, что всё не так уж и плохо. Если не выходить из своих покоев, в Мелироанской академии вполне можно прожить какое-то время.

За дверью уже ждали служанки в полном составе. Арма и Эсли стояли, склонив головы, а Стрилли пристраивала на комод садовую лопату. О назначении этого предмета в спальне могли знать только Лулук с Луликой.

Процесс причёсывания оказался не таким приятным. Я восседала на мягком пуфе перед зеркальным столиком, полностью отдавшись во власть Эсли, и сама себе напоминала Сирену, когда над ней колдовала Фиди с пыточными щипцами для завивки. В руках моей мучительницы щипцов не было, но с пытками она прекрасно справлялась и без них: Эсли драгла мои густые, отросшие до талии волосы гребнем, хмурилась и ругалась себе под нос, то и дело поглядывая на наше общее отражение. Результат ей явно не нравился, и страдания возобновлялись.

Расстроившись и намучившись, служанка подобрала пряди блестящими заколками с двух сторон и признала поражение. К её неудовольствию, я ещё и запретила снимать миинх, так что Эсли надула губы и приступила к следующему этапу преображения — одеванию покорной куколки Юны Горст.

Первым в дело пошло бельё. Тонкие выбеленные трусики из мягкого батиста с тиснением и нежной вышивкой, казалось, были шиты для того, чтобы ласкать кожу. Они плотно прилегли к телу и практически не ощущались. Но на этом хорошие новости заканчивались. Следующим предметом одежды оказался самый настоящий корсет, затягивающий талию, а сверху ещё и полотняный чехол. «Корсаж», как представили его служанки. Дальше Эсли и Арма, помогая друг другу, натянули на мои ноги шёлковые белые чулки, закрепили их на поясе с помощью подтяжек и отошли на три шага, оценивая работу. В зеркало

посмотреться не дали, но я не сомневалась, что похожа на пирожное с прослойками воздушного крема. Происходящее нравилось мне всё меньше и меньше, но я здраво рассудила, что в логове коварства и лицемерия самая лучшая тактика — не выделяться. Кто знает, что ждало меня за дверью покоев, и лучше бы подготовку к выходу доверить профессионалам.

Покончив с комплектом белья, девушки натянули на меня шуршащий футляр — лёгкое, почти невесомое платье с тёмным облегающим лифом. Он расширился в многослойную свободную юбку: интенсивный фиолетовый цвет по мере спуска смягчался лиловым и становился почти белым внизу. Вдоль всего нижнего края пестрела вышивка — конечно же, цветочная. Тёмные фиалки, гроздья сирени и лиственные завитки искусно обрамляли подол.

Тут же захотелось снять с себя непривычное облачение. Не потому, что оно мне не шло, — размер и цвет подходили отлично, оттеняли кожу и волосы. И даже не потому, что я ненавидела платья. Просто этот наряд требовал к себе гораздо более почтительного отношения, чем я привыкла проявлять к одежде. Разглядывая трудоёмкое шитьё, я невольно размышляла, сколько часов и дней рукодельницы потратили, чтобы создать всего лишь то, что должно прикрывать наготу и защищать от порывов ветра. И ещё — о том, кто заплатил за это великолепие.

— Ещё пара штрихов, ваше сиятельство, — успокоила Эсли, заметив на моём лице задумчивую обеспокоенность.

Арма достала из комода подарочную коробку, бережно открыла её и представила содержимое. Я ожидала увидеть блестящее кольцо из алмазов, рубинов или изумрудов, которое непременно потребовала бы отправить обратно, но на атласе футляра лежала широкая тканевая полоса с резной брошкой посередине.

— Бархотка, — пояснила Эсли. — Чтобы прикрывать знак соединения от посторонних глаз.

— Похоже на ошейник, — тяжело выдохнула я, снова сдаваясь во власть служанок.

Они подняли волосы и с помощью маленького замочка закрепили бархотку на моей шее. Увы, не признать её необхо-

димости и функциональности я не могла. Как символично — ментор всё-таки посадил меня на цепь.

— Позвольте, лу-ли. — Стрилли взяла мою ладонь и бережно, стараясь не поцарапать коготками кожу, натянула белые кружевные перчатки. — Это последний предмет гардероба на сегодня. С собой леди ещё берут зонт и крохотный ридикюль. Если желаете, лу-ли, Стрилли достанет превосходный зонтик, он висит прямо за окном, улавливая воздушные божественные потоки...

— Обойдусь, — однозначно решила я, рассматривая короткие перчатки с волнистыми рюшами. И ухмыльнулась: — Отлично, теперь я кукольный стязатель. Чёрную маску мне выдадут? Или у местных приняты белые?

Я хохотнула, поддерживая свою шутку, но служанки не улыбнулись.

— Только не говорите, что белые маски и правда существуют, — напряглась я. — Ошейник на меня вы уже надели, не хватало ещё и намордника!

— Сорти де баль, — извиняющимся тоном поведала Эсли.

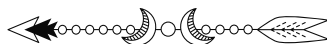
— Тролье дерьмо! — не выдержала я. — Вы ведь шутите? Это что, белая маска?!

— Нет, всего лишь прозрачная пелерина для прогулок и коллективных выходов, — поспешила успокоить служанка. — С вышитой сзади иверийской короной. Она прикрывает плечи и декольте благородной девы во время визитов и городских посещений. Но сейчас вы идёте на завтрак в гостиную академии, так что сорти де баль можно оставить здесь.

Я облегчённо выдохнула. Терпение и так уже было на пределе, и, если бы мне пришлось мириться с ещё одним зефирным слоем, я попросту превратилась бы в разъярённого икша. И ни сложная вышивка, ни дорогие ткани не остановили бы меня от вредительства.

— Госпожа, — довольно улыбнулась Эсли, подводя меня к зеркальному шкафу. — Представляю вам мелироанскую благородную деву Юну Горст.

Я раздражённо фыркнула и хотела показательно отвернуться, но отражение в зеркале приковало взгляд.

С той стороны глянцево́й поверхности на меня смотрела та, кем я никогда не была: молодая привлекательная леди с высокой грудью, тонкой талией и аккуратными послушными локонами, прикрывающими плечи. Словно морок, наваждение, возникшее в зеркале: двинешься — и оно развеется, превратится в туман. Даже чёрный паук, мой отличительный знак, мой символ, всегда ярко выделявшийся на светлой шее, сейчас спрятался под декоративной полоской ткани. Я осторожно потрогала лицо. Шершавая ткань перчатки прошлась по тонкому порезу на щеке и узкому шраму, пересекающему бровь. Неужели это я?

Отчего-то по спине холодком пробежался страх: собственное отражение показалось мне жутковатым. Но я быстро взяла себя в руки. Я достаточно часто смотрела в лицо опасности и смерти, чтобы теперь без боязни смотреть в своё собственное. Даже если оно совершенно не похоже на то, что я привыкла видеть за предыдущие девятнадцать лет.

— Ваше сиятельство, — постучались в дверь.

Арма впустила Жорхе Вилейна, и тот на краткий миг потерялся, будто наткнулся на невидимую стену, окинув меня взглядом с ног до головы. Но тут же смутился, откашлялся в кулак и сообщил о цели визита:

— Госпожа Првленская требует, чтобы вы спустились к завтраку, как подобает всем леди её академии. Позвольте вас сопроводить.

Спорить я не стала. Задумчиво двинулась вслед за стяжателем, пытаясь справиться с многослойной юбкой, которая так и норовила опутать колени. Что ж, первое испытание я выдержала с достоинством и даже не без некоторого удовольствия. Осталось узнать, что ещё для меня приготовила Мелироанская академия благородных дев.

Пока Жорхе Вилейн самолично проверял большой округлый зал голубой гостиной, я, перевесившись через перила балкона, с раскрытым ртом рассматривала помещение. Приказ не спускаться до отдельного распоряжения оказался кста-

ти: с высоты своего положения я могла оценить обстановку и выбрать удачную позицию. Но, едва завидев торжественное убранство, моментально забыла о тактике, поражённая необычной красотой.

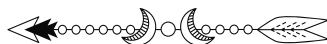
Балкон с резными перилами кольцом охватывал весь зал и поддерживался странными изогнутыми колоннами. Они вращались в основание балкона, цепляясь за его низ расширяющимися концами, подобно цветочным стеблям или, может, человеческим мышцам. От этого создавалось ощущение, что мрамор живой, дышащий, чувствующий, и ты оказался не в замке, а в утробе огромного животного.

Но не только камень здесь оживал: настоящее дерево с раскидистыми ветвями и остроконечными гладкими листьями радушным хозяином расположилось между центральными лестницами. Окружённое невысоким бордюром, оно пронзало мощным стволом нависающую над залом галерею и поддерживало ветвями потолок.

— Мелира Иверийская приказала выстроить замок вокруг древнего фикуса, — шепнула сзади Эсли. — Это сердце нашей академии и её суть. Мелироанские девы несут свет и любовь к жизни, ко всем её формам, будь то человек, животное или растение. Мелира Великая запретила вырубать дерево, и архитекторы возвели голубую гостиную вокруг его корней и обширных ветвей.

В ответ я только потрясённо кивнула и активнее завертела головой.

Канделябрами здесь служили резные деревянные девы — настоящие нимфы высотой в человеческий рост. Они удерживали над головами не меньше пары десятков ветвей-подсвечников. Тоненькие, не шире мизинца свечи сейчас не горели: солнечный свет лился сквозь прозрачные стёкла на потолке. Там было огромное круглое окно с приоткрытыми створками-дольками. Ветер трепал голубые и белые занавеси, прикрывающие такие же круглые боковые окна, и создавал иллюзию пляшущего по стенам моря. На свободной стене, то и дело скрываясь за летящими тканями, висел огромный портрет Мелиры Иверийской.

— Идёмте, ваше сиятельство, — подал руку в перчатке Жорхе. — Вы можете спуститься.

Я заморожено опёрлась на стязателя и зашагала по покрытым светлым ковром ступеням. Строго под потолочным окном, ярко-синим от просвечивающего неба, расположился невысокий аквариум, охваченный деревянным кольцом стола. Он едва ли выступал над столешницей на ширину ладони. Но даже этого хватало, чтобы солнечные лучи отражались от водной глади и посылали блики на изогнутые колонны, на танцующие по стенам тканевые волны, на блестящий глянецовый пол и лица собравшихся за столом девушек. Если мы и находились внутри какого-то огромного существа, то оно определённо было морским.

Мне немедленно захотелось со всех ног броситься к аквариуму, перевеситься через лакированную столешницу и полюбоваться разноцветными плавающими рыбками. Синие, жёлтые, ярко-красные — прежде я никогда таких не видела. Это был чудесный подводный мир, привезённый сюда прямоком из морских глубин.

Я даже ускорила шаг, но несколько пар женских глаз едва не заставили споткнуться. Они немедленно вернули меня в реальность, напомнив о том, кто я и где нахожусь. Что меня ведёт стязатель — мой охранник и тюремщик, а за спиной шагает приставленная ментором служанка.

Внимательные чужие взгляды сковали не хуже корсета. Ледяные глыбы в груди шевельнулись, больно распирая изнутри тревогой и подступая к горлу тошнотой.

За кольцевым столом сидели восемь прекрасных девушек во главе с Лаптолиной Првленской. Никто из них не притронулся к еде, и я быстро смекнула, что ждали только меня. А единственный свободный стул недвусмысленно намекал, что мне необходимо поторопиться. Я села, стараясь выглядеть как можно изящнее и непринуждённое. Неуверенно улыбнулась благородным девам. Они ответили такими же робкими улыбками.

Сколько раз я оставалась в одиночестве или шагала в неизвестность, но ни разу ещё не чувствовала себя настолько чу-

жой и беспомощной! Я была гибкой, сильной, быстрой и умела за себя постоять, но без оружия оказалась голой, несмотря на несколько слоёв дамских тряпок.

За спинами девушек стояли служанки в белых чепчиках с широкими оборками. Они все как одна смотрели в пол. За мной встала Эсли, перекинув вышитую салфетку через локоть. Жорхе удался, аккуратно прикрыв за собой высокие створки дверей.

— Леди Горст, — обратилась госпожа Првленская со своего высокого стула-трона. — Попрошу вас впредь являться к завтраку вовремя и не опаздывать.

— Хорошо, — легко согласилась я, раздумывая, куда бы деть руки.

Никто не говорил мне о времени завтрака, но пояснять это я не стала.

— Леди Лорендин, — так же ровно проговорила Лаптолина.

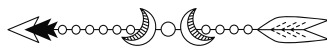
— Да? — отозвалась девушка в прекрасном мерцающем драгоценностями платье.

— Я уже делала вам замечание по поводу утренних нарядов. Дневной туалет леди не подразумевает такого количества украшений. Вы должны сиять изнутри, а не снаружи. Джилма, — госпожа Првленская кивнула служанке за спиной девушки. — Твоя обязанность — помогать Тильде с выбором платья и удерживать её от излишеств. Ещё один такой промах — и придётся разжаловать тебя до кухонной помощницы.

От спокойного, ровного тона Лаптолины засосало под ложечкой. Пару раз взмахнув руками в отвратительно неудобных перчатках, я решила последовать примеру одной из девушек — своей соседки, хорошенькой улыбчивой блондинки, и сложила их на коленях. Осталась собой довольна. Но вскоре меня ждало новое испытание: огромное количество столовых приборов прямо перед носом.

— Прошу прощения, госпожа, — пискнула служанка Тильды. — Я пыталась, но леди Лорендин...

Лаптолина резко вскинула ладонь, и Джилма замолчала. Опустила голову так, что за оборками чепчика не стало видно

её глаз. Я тяжело сглотнула и заёрзала на стуле. Вот троллье дерьмо, да эта Првленская будет пострашнее охранителя Брема с его цепями!

— Поскольку сегодня мы начинаем позже обычного, знакомство с новой мелироанской девой придётся отложить. — Лаптолина расправила белоснежную салфетку и пристроила её у себя на коленях. Девушки последовали её примеру, в том числе и я. — Достаточно того, что мы все прекрасно знаем: впервые за историю Мелироанской академии у нас будет восемь учениц вместо семи. Юна Горст, мейлори консула лин де Блайта, теперь тоже наша сестра. Примем же её как достойную дочь Мелиры. Во имя Квертинда!

— Во имя Квертинда! — отозвались девушки и прижали к груди тиали. Конечно же, содержащие в себе одну из двух магий: жёлтую Нарцины или белую Девейны.

Мой был с песком, но это не помешало мне присоединиться к восславлению.

— Отлично, — впервые улыбнулась Лаптолина. — Приступим к традиционной утренней трапезе и обсудим актуальные новости королевства.

Она пару раз хлопнула в ладоши, и девушки в знакомых чепчиках распахнули высокие створки дверей с морской мозаикой на полотнах. Я вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть происходящее. В голубой гостиной появилась служанка с подносом. Но на нём, к моему глубокому сожалению, лежала не еда, а несколько больших конвертов. Следом зашла вереница поварят, несущих перед собой блюда под огромными полированными крышками.

— Каждая леди обязана быть образцовой верноподданной, — шепнула над макушкой Эсли. — Как благородная мелироанская дева, вы должны прекрасно разбираться в текущей политической обстановке, быть в курсе современных взглядов и новых веяний. Этому вы учитесь прямо сейчас, за завтраком.

— Эсли, я могу поесть? — шёпотом спросила я. — Я ужасно голодная.

— Это тоже часть обучения, — ответила служанка. — Непринуждённая светская беседа за столом — особый навык.

Серьёзный рудвик поставил передо мной тарелку и самолично убрал крышку-колокол. Внутри на огромной тарелке с блестящей каймой лежала пара кручёных булочек, стояли маленькие чашечки с вареньем и округлая плошка чего-то однородного, по виду похожего на молочную кашу. Я схватила самую удобную ложку и попробовала непонятное месиво. Пахнет настоящей клубникой и сливками. Вкусно! Я снова зачерпнула еды, но вдруг заметила, что все собравшиеся смотрят на меня с раздражением. Никто так и не притронулся к завтраку. Пришлось тяжело вздохнуть и отложить ложку.

— Попробуйте пока напиток, — шепнула Эсли, наливая мне яркого сока из кувшина.

Она виновато улыбнулась грозной Лаптолине. К счастью, та не стала делать замечаний. Госпожа Првленская одобрительно кивнула девушкам и взяла первый конверт с подноса. Благородные девы приступили к еде, и это было хорошим знаком. Эсли подсказывала мне, каким прибором пользоваться для каких целей и как есть ароматную сдобу. Оказалось, что нужно снять перчатки и, отщипывая крохотные кусочки от вкуснейшего слоёного теста, отправлять их в рот. Ей-богу, мучение, а не наслаждение!

— Безрадостные вести из Кроуница, — начала Лаптолина, и я замерла, не донеся кусочек до рта. — В северной столице странные существа напали на один из районов города, практически уничтожив трущобы и умертвив несчастных бедняков. Очевидцы говорят, что уродливые чудовища с огромными пальцами разгрызали даже человеческие кости.

— Икша напали на Понтон?! — от неожиданности почти крикнула я и вскочила.

— Леди Горст, — надменно проговорила Лаптолина. — Прошу вас, сядьте и впредь будьте сдержаннее. Учитесь принимать участие в беседе, не привлекая к себе излишнего внимания. Имейте уважение к собеседникам.

— Но там погибли люди! — заспорила я и пришла к внезапному выводу: — Всё это время мы... Банда изгоев сдерживала их в пещерах! — Осмотрев удивлённых девушек, я пояснила: — Икша отвратительны и смертоносны, они способны

